

Корифей русской сцены

К 70-летию со дня рождения Василия Ивановича Качалова

Много лет тому назад. Разговор с одним видным критиком:

— Видел вашу «Вечность в мгновении» (моя одноактная пьеса в стихах из эпохи Возрождения), я смотрел ее в Малом театре с Горевым, и, представьте, тут Леонато был не хуже! Совсем юный любитель-студент! Но пойдет далеко. Божественный голос! Запомните это имя.

Запомнила: В. И. Качалов.

Два-три года спустя. Премьера «Снегурочки» в только что начинающем свою славную деятельность Московском Художественном театре. Разговоры в антрактах:

— Какое Берендей! Какое голос, какая красота!..

— Совсем молодой — ему двадцать пять лет, а как играет «среброкудрого старца».

— Далеко пойдет! Он из провинции. Новое для Москвы имя: Качалов.

Еще несколько лет... Гастроли Художественного театра в Петербурге. Белые ночи, обещание весны в воздухе... Молодежь беснуется от восторга, забрасывает гастролеров букетами...

Мы едем после спектакля ужинать к нашим друзьям. С нами одновременно вносят огромную корзину белых роз.

— Кому это?

— А это у нас остановился Качалов, — улыбается хозяйка дома, — белые розы каждый день, а от кого — не знаем!

Качалов тут же — стройный и задумчивый, как Гамлет, с волосами лунного цвета. Он смущенно опускает глаза:

— Я сам не знаю.

Потом много премьер в Московском Художественном театре, каждый год гастроли в Петербурге. Сколько ролей — и каких!.. Спившийся барон в «На дне» Горького и Юлий Цезарь Шекспира, где «один жест Качалова», по выражению культурнейшего человека того времени — А. Ф. Кони, «дает больше, чем лекция по античной культуре».

«Иван-Царевич» — Ставрогин в «Бесах» Достоевского и Иван Карамазов в его жутком разговоре с чертом, о котором психиатр Бехтерев говорил, что он мог бы служить лекцией по раздвоению личности. Петя Трофимов в «Вишневом саду» Чехова, студент, вечный обитатель московских тюрем, в поношенной куртке, и бледный царственный Гамлет; аскетический пастор Бранд у Ибсена и жадно любящий наслаждения жизни Пер Баст у Гамсуна. ...Всех не перечтешь.

Роли, воплощенные Качаловым, объединены одним общим свойством: наличием неувидимого внутреннего благородства. Качалов всегда чувствует то высшее, то лучшее, что есть в каждом человеке. Это невольно передается зрителю и заставляет его любить качаловские образы.

Еще несколько лет. Первые годы революции. У великой артистки Ермоловой в доме. Еще не огладились после гражданской войны следы разрухи и лишений: в огромном зале, вместо печей и камина, топится кирпичная печурка; на ней дымится глинтвейн в медном котелке. Углы

комнаты тонут во мраке, только стол ярко освещен висячей лампой под золотистым абажуром; в печурке рдеют угли, на столе поблескивает хрусталь.

За столом собралось человек двадцать. Голова Качалова — в рембрандтовском освещении. Он читает сцену старика Карамазова «За коньячком». Его чудесный голос приобретает какие-то старческие шипящие ноты, зловеющая уместка преобразует обычно такое изящное, благородное лицо. Перевоплощение таково, что присутствующие, из которых большинство артисты, слушают, затаив дыхание, совершенно захваченные сценой.

Еще несколько лет. На Николойной Горе, на берегу Москва-реки, на балконе маленькой дачи Качалов читает нам Пушкина за чашкой кофе. Как идет его благородный голос к стройному течению пушкинского стиха, плавному, как течение красавицы-реки у наших ног. Тихий шум и аромат нагретых сосен, запах цветов... Поэзия и природа — две стихии, в которых всего вольнее дышится Качалову вне его родного театра. Ему хорошо. Его глаза, в глубине которых всегда таится грусть, мягко и светло смотрят на расстилающийся перед ним редкостный по красоте вид, и чувствуется в нем гармония от этого слияния с природой.

Через год на той же Николойной Горе.

Страшное время начала Отечественной войны. Мы живем на даче у Качаловых. Василий Иванович ежедневно приходит к себе на дачу из санатория, где он отдыхает. Внешне он необычайно выдержан и спокоен. Ни на мгновение не срывается его чудесный голос, не покидает его движений обычная гармония. В нем нет страха... Чувствуется только глубокое потрясение и смутение...

И во всех этих встречах одно общее впечатление — как сорок лет назад, так и теперь — необыкновенного изящества и благородства.

И вот еще несколько лет... «Песчинка в вечности» — одна строка в газетной статье: «Семидесятилетие Качалова».

Семьдесят лет! Долгий путь! И как благородно он пройден: почти пятьдесят лет в одном театре, почти пятьдесят лет горения одним любимым делом.

Таков Качалов как артист.

А как человек?

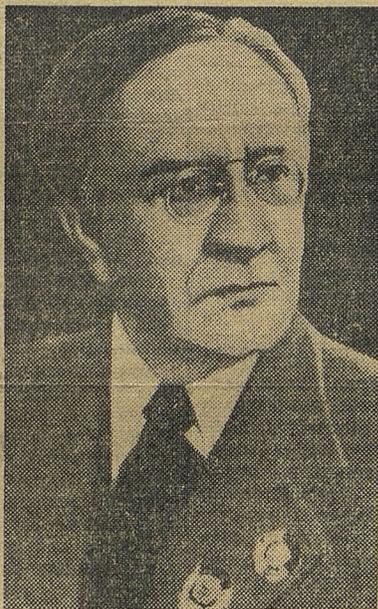
За всю долгую жизнь — ни одной интриги по отношению к товарищам, ни одной умышленно нанесенной обиды, ни капли зависти к чужому таланту. Доброта, деликатность и скромность — предельные.

Таков Качалов в жизни.

Ни отвлеченный, ни уклоненный с своего артистического пути. Жизнь — безраздельно отданная искусству и театру. И за то и искусство и театр платят ему взаимностью, и за то любит его новая Москва так же верно и сердечно, как любила Москва наших юных дней, и с таким же единомышленным теплом и восторгом встречает каждое его появление на сцене.

Заслуженный деятель искусств

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК.

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК
 г. Москва
 17 ФЕВ. 45